

МАРКУС КРАЕВСКИ

Коммуникация с бумажными машинами

О картотеках Никласа Лумана

Карточки знают все!

*(Система: журнал по вопросам
организации. январь 1928 г.*

Вып. 1)

Абсолютный Дух Гегеля — это закрытый
каталожный ящик.

(Фридрих Кюитлер)

Предисловие

Это происходило в Штуттгарте в 1785 г. Пятнадцатилетний читатель, еще гимназист, делал выписки, не забывая о дисциплине, прилежании и аккуратности: «После чтения он безотлагательно приступал к работе. Все, что виделось ему замечательным (но что только ему не казалось таковым!), он выписывал на отдельный листок, который помечал какой-то общей рубрикой, и после под нее начинал подводить все отвечающее по содержанию. В середине верхнего поля он писал большими буквами, и нередко фрактурным шрифтом рубрику данного артикула. Все эти листки он потом раскладывал уже по алфавиту и благодаря простоте такого расположения мог употребить все свои эксцерпты в мгновение ока»¹. Юный читатель увидел в такой картотеке, сгруппированной в алфавитном порядке, новый вид адресации. Картотека открыта не только словам, но и понятиям, а значит, она лучше всего способствует становлению начинающего философа и ученого. Знаменитые каталоги Гегеля поступили на хранение прусскому ведомству — и это создало неразрешимые исследовательские трудности² — но даже отсутствие

¹ Об этом пишет Розенкранц (Rosenkranz 1844/1969 S.12 f.). Шнитгер дает историческое обоснование идиосинкразии Гегеля вокруг рукописей и типографики: «Гегель пишет, как это принято в Германии, немецким курсивом. Для других языков, таких как латинский, французский, английский или итальянский, он употребляет латинский шрифт в манере Антиквы, греческие цитаты записывает по-гречески. Таким образом, по ходу текста смена шрифта отмечает смену языка» (Schnitger 1995 S. 21).

² Ср.: Ziesche (1995).

карточек в научном обороте не помешало считать Гегеля любителем выписок. Заполненные от руки карточки, которые позволяют предугадать будущий фантастический успех тогдашнего гимназиста, продолжают впечатлять и сейчас, меняя вообще наш порядок восприятия Гегеля. По этим кускам бумаги, заполненным от руки, вполне можно проследить путь становления школьника: мы находим в его каталоге такие рубрики как «Академия», «Педагогика», «Искусство учебы» или «Ученость Египта». Но также в свой штуттгартский период Гегель от руки заполнял рубрики, посвященные монашеской истории, свойствам души и пути к счастью в большом мире. Вот как выглядит одна из карточек:

16 октября 1786 г.

Циммерман. Об одиночестве. Т. II, Гл. V.

Когда мы объемлем взглядом весь большой мир, видя непостоянство, хрупкость, ломкость и ужас обстоятельств, понятных для всякого внемлющего им человека, это еще не философия. Это без обиняков, мысленная мука, без всякой поруки, сплошное да и нет; но пока ты не философ, если не проникся тем тревожным вопрошанием. Быстро и скоро, ни на что не взирая, ничем не пленяясь, должно приступать к исследованию, в молчании и строгом благоговении. Это, конечно, путь к бесчисленным ошибкам, которых не избежит ни один философ, но это единственный, лучший и надежнейший путь к счастью в большом мире³.

Комментаторы указывают, что Гегель буквально переписал эти слова, вплоть до заглавия, приобретшего несколько ироническое звучание, из книги Иоханна Георга Циммермана «Об одиночестве». Но в той же рукописи, и среди этих выписок мы находим и другие рассуждения на тему счастья, которые из ранних лекций перешли потом в позднейшие тексты. Порядок систематического каталога создавал у многих впечатление, что «ум Гегеля занимался важнейшими всеобщими проблемами систематически»⁴.

Это случилось в Билефельде где-то в 1997 г. Ученый и философ, которому было тогда уже за семьдесят, рассказал, как много значит для него чтение: «Когда я читаю книгу, я соблюдаю такой порядок: у меня под рукой всегда есть каталожные карточки, куда я выписываю, на каких страницах какие идеи я нашел. На обороте карточки я пишу библиографические данные книги. Прочитав книгу до конца, я просматриваю свои заметки и раскладываю их в порядке пользовательского каталога. Таким образом, за самое краткое время, я могу произвести систематизацию сказанного в книге»⁵. Заслуженный профессор так привык к своему замечательному и уже легендарному собранию выписок, заполнен-

³ Hoffmeister (1936), S. 100.

⁴ Hoffmeister (1936), S. 100, Fußnote 2.

⁵ Luhmann (1987), S. 149f.

ных от руки карточек, что все замечания и примеры для своей лекции он всякий раз основывает на понятиях, которые в любое время может подсмотреть на «карточках формата ин-окто»⁶: карточки отбираются по ключевому слову и шифру и ждут своего часа за рубриками его каталожного ящика. «Что дает человеку выписывание чужих слов? Конечно, человек поначалу вырабатывает слишком много словесной руды. А мы воспитаны так, что от всякого нашего усилия ожидаем чего-то полезного, а в противном случае сразу же падаем духом. Поэтому нужно поразмыслить, когда и какие заметки нужно готовить, дабы они могли пригодиться в урочное время, и это лучше, чем тешить себя произволом собственных иллюзий»⁷.

Об утешительных иллюзиях мы говорить не будем, а лучше обсудим вопрос, из каких материальностей выстраивается начиная с 1951 г. система записи в Билефельде, в эпоху, когда библиотечные и информационные технологи обрабатывают данные и делают перекрестные ссылки. Чем это система работы с информацией отличается от той системы карточной записи, которая с 1785 и до 1831 г. последовательно функционировала в Штуттгарте, Тюбингене, Берне, Гейдельберге, Франкфурте, Нюрнберге, Йене, и наконец, Берлине? Ответив на этот вопрос, мы сможем лучше понять и то сознание, которое конструируется внутри этой системы, и его же эстетику производства. Более того, мы выйдем к важнейшему вопросу о том, какова ситуация коммуникации внутри системы — а только ответив на этот вопрос, мы сможем заложить основу теории самореперентной системы. А это означает, что вся история между 1785 и 1951 гг. должна быть представлена как последовательность сменяющих друг друга научных дискурсов и сопровождаться надлежащими экскурсами в область библиотечных инноваций и развития цифровой техники. Только при соблюдении этих требований мы сможем уловить различие между двумя способами маркирования, и подойти к самой сути билефельдской системы обработки записей 1951 г., попытавшись хотя бы немного отступить от навязчивых исторических шаблонов. «Имя Гегеля употребляется в этих работах в отличие от других имен не как только указание на историческую реальность, служащую проверкой для теории, но как имя соперника, рекорд которого надлежит побить любыми способами»⁸.

Коммуникативные касты

Материальность системной теории, известной также и по бюрократической классификации как «Теория общества. Появление: 1930-е гг. Стоимость: отсутствует»⁹, приобрела за три десятилетия особую продук-

⁶ Luhmann (1993), S. 55.

⁷ Luhmann (1995), S. 156.

⁸ Spaemann (1990), S. 62.

⁹ Luhmann (1998), S. 11.

тивность, благодаря одной лишь только производительной связке человека и машины. Когда Никлас Луман в 1951 г., закончив курс юриспруденции, решил собирать свои конспекты — впервые после Гете¹⁰ — не в стандартные картонные папки, но — достигнув сам того не ожидая масштаба Гегеля — раскладывать их по каталожным ящикам, он заменил Собеседника бумагомашиной. Общепризнанная оппозиция человек/машина¹¹, которая переживалась как раздвоение или же как зияние между двумя постоянствами, утратила всякую релевантность в рамках системной теории. Человек и машина теперь объединились в единой коммуникативной машине: «Неудивительно, что мы самих себя теперь считаем системой»¹²: сама физика отношений созидает из нас «систему сообщений»¹³, и такое совпадение условий порождения сообщений нужно описывать как партнерство. Прежде чем во второй части нашей работы мы подвергнем это «партнерство» пристальному рассмотрению, со страстью вуайериста следя за переплетением этой пары, просто определим, почему этот порядок мы называем системным и систематическим.

Ученые машины

Начав с часто задаваемого вопроса, по каким критериям происходит отбор материалов для каталога, Луман бросает свой испытующий взгляд на архитектуру этой системы и ее особенности. «Обычно к каталогу обращаются многие люди, и все они его *просматривают*»¹⁴. Агрегат письма будит необоримое вожделение, особенно в молодых исследователях, которые сразу же прикрепляют свою серьезно спланированную карьеру к выдвигаемым ящикам картотеки. «Итак, Фред хочет стать преподавателем высшей школы»¹⁵.

Строительство каталога по готовому образцу было заявлено в 1981 г. в юбилейном сборнике в честь Элизабет Ноелле-Неуман, как «стержень эмпирического социологического исследования»¹⁶, ведь каталог позволяет создать полное, теоретически фундированное описание, которое и кодирует социологическую метатеорию.

¹⁰ См.: Curtius (1954).

¹¹ «Машина — враг или друг человека?» — задает вопрос передовица журнала, посвященного организации офисной работы. Материал выходит с подзаголовком: «Не пожрет ли машина душу». Анонимный автор (1931) на с. 73 дает новаторский ответ: «Машина не может быть врагом, но она не должна и быть предметом культа. Она высвобождает наши силы, но не придает нам новых сил. Машина всегда понятна, для механика в ней нет никакой мистики. Почему же ее должны бояться образованные люди?» Sieburg (1926), S. 8.

¹² Luhmann (1993), S. 53.

¹³ Там же.

¹⁴ Luhmann (1987), S. 142.

¹⁵ Klassen (1994), S. 84. Luhmann (1981), S. 222, перепечатано в: Luhmann (1993), dort S. 53.

¹⁶ Luhmann (1981), S. 222, перепечатано в: Luhmann (1993), dort S. 53.

Для упорядочения материала используются «деревянные ящики с выдвигаемыми частями и карточками в формате ин-окто» (= A5). Таким образом, можно обеспечить размещение огромного числа документов в небольшом пространстве, и с комфортом за несколько минут просматривать то, сбор чего занял многие годы. «Итак, мне потребовалось место. Не для моей плоти (тем более, что в этом отношении я не особо преуспел), но для каталожных ящиков, папок и прежде всего, для настольной библиотеки, которая в четырех стенах станет лучшим предметом моей жизни, что умерит мой пыл и позволит объять многое смиренными усилиями ладоней»¹⁷ — так описывает другой теоретик каталогов рабочее место — простой письменный стол. Но не случайно это описание было создано до вторжения персонального компьютера в домашний уют кабинетов, не миновавшее ни одного значимого края земли. На место прежнего ощущения библиотечной тишины и перебора заполненных карточек вступило другое — теперь карточки размещаются в компьютерной папке, которая только условно называется этим словом¹⁸. Луман был совершенно прав, когда говорил, что бумажная машина письма создается лишь для того, чтобы сэкономить место для листков, предназначенных для быстрого использования в качестве носителей информации. Исходя из тех соображений, что бумага является универсальным носителем, специалист по ценностям Луман игнорирует библиотечную инструкцию с ее ограничениями параметров. Поэтому его теория вряд ли применима там, где действует DIN 1504 для «карточек с записями»¹⁹, хотя, может быть, и подходит к библиотечным форматам A6 и A7.

Как и в штуттгартской системе 1785 г., каталожные карточки раскладывались по словам рубрикатора, который со временем расширялся и дифференцировался. Признак этих карточек — обычная, неуплотненная (для экономии) бумага, где в верхнем левом углу дается заранее известный шифр. Вот отрывок из беседы Хагена и Лумана: «Хаген: У вас есть свои сокращения? Луман: Да, каждый каталог помечен определенным номером, который никогда не меняется. Хаген: Но разве это сокращение? Луман: Да, да. Хаген: Но ведь тогда эта цифра должна получить какой-то особенный смысл? Луман: Ни в коем случае»²⁰. Сокращения вводятся (не в последнюю очередь на мнемотехнических основаниях) как нумерические, затем идет косая черта, за которой следуют другие цифры, которые либо означают подпункт, либо отсылают к другому каталогу, и тогда после цифр идет еще маленькая буква. Таким образом, начальная

¹⁷ Schmidt (1995), S. 28.

¹⁸ См. об этом (1922), S. 7f: «Рванный картон входит в быстрое употребление, он непрозрачен и удобен своей прочностью и грубостью листов, что есть основное условие при частом использовании этих карточек (...) Вместо бумажных карточек, которые при ежедневном употреблении служат не больше года, лучше предпочесть более экономичный вариант».

¹⁹ См.: DIN (1984), S. 64f.

²⁰ Hagen (2004), S. 103 f.

маркировка карточки имеет вид 43/12а или 43/13. Такие сокращения представляют собой непосредственный адрес какого-то из внутренних каталогов, который может, независимо от большого каталога, подвергнуться дальнейшей тематической систематизации или просто выстраиваться по алфавиту. Когда нужно внести в каталог новые поступления, на которых не стоит такого подробного «шифра», любой библиотекарь может, справившись с номерами, предложить искать эту книгу в алфавитной части, что проще всего. Двойная маркировка лучше всего подходит для этих целей — прочитав шифр вроде 43/12, читатель сразу же обратится к подпункту, где книги выстроены по алфавиту. Именно такое соединение тематического принципа с внутренним алфавитным гарантирует «достижение предельно возможной систематичности»²¹.

Но каталоги могут быть размещены и просто в хронологическом порядке: 43/12, 43/13, 43/14... Это позволяет сделать ссылки между понятиями. Допустим, карточка по теме «дифференцирование» помечена шифром 43/76, и этот шифр подразумевает сразу два объяснения. Это ключевое слово заставляет вернуть карточку в соответствующую рубрику каталога, отличающуюся как от рубрики 43/77, так и от рубрики 43/76а, а равно получить отсылку к карточке 569/4, занимающей совсем другое место в общей иерархии. В результате такой «опции внутренних гиперссылок»²² формируются целые кластеры понятий, приобретающих центральное значение для теории (и наоборот, проясняемые в свете теории).

В качестве поисковой машины, которая может произвести выборку по какой-то понятийной рубрике, служит упорядоченный по алфавиту каталог, в котором всякая новая карточка, дабы ее можно было извлечь из общей массы, помечается особым номером. С помощью реестра, переплетенная форма которого наследует тому — каталогу библиотеки XIX в., можно перейти к рубрике на карточке и прочесть на ней комментарий, который отсылает к другой карточке, таким образом связуя карточки, находящиеся в самых различных концах тематической картотеки. Такие ссылки позволяют, единожды приступив к работе с каталогом, далее руководствоваться этой системой отсылок, постигая структуру написанного текста в предварительной структуре рядоположения понятий. Мелькающие перед глазами листки ведут от одного пункта к другому, и ты сразу понимаешь, как впоследствии эти же листки, будучи переплетенными в тетради, стали образовывать книжный текст. «Я уверен, что эта техника объясняет также, почему я по большей части не умею мыслить линейно, и когда я пишу книгу, мне доставляет немало труда определить надлежащий порядок глав: ведь на самом деле каждая глава должна предвдаться другими главами, если не всеми остальными»²³.

²¹ Luhmann (1993), S. 55.

²² Luhmann (1993), S. 55f.

²³ Luhmann (1987), S. 145.

Но единственное, чего не хватает получаемому тексту, это необходимости преодолеть зазор между отобранными заметками, изложенными в форме текста. Зияние заполнить можно только путем «формализованного письма»²⁴, которого и ожидают читатели от книг.

Многочисленные карточки служат строительными элементами текста, и они становятся текстами, когда их отобранная последовательность упорядочивается, чтобы удовлетворить требованиям одномерной структуры текста. Те решения, которые принимаются над собранием этих листков, заключаются в том, чтобы последовать не по этой, а по другой ссылке, и значит, предпочесть карточку из другой части всего каталога. Эта новая карточка будет встроена в понятийный ряд, который тем самым раскроет перед нами совсем другие возможности. Так случайность, будучи учтена, занимает свое место в общем комбинаторном подсчете; и черновики, как и требовалось, предстают в совсем новом свете. Каталогные карточки в системе, возникшей в Билефельде в 1951 г., представляют собой устройство комбинаторной машины, которая отвечает на поставленные вопросы не только воспоминаниями о прочитанном, — она дает список связей между понятиями и привязывает последующую аргументацию к понятийному и библиографическому строению (Fundus) прочитанного. При этом нужно различать два рода карточек: одни содержат заметки, выписки и размышления в связи с каким-то понятием, а другие представляют собой библиографические единицы. Карточки первого рода, составляющие большую часть системы выписок «Билефельд—1951», представляют собой просто-напросто классический тезаурус, опору теории *даже* не в алфавитном порядке, и эти термины не имеют не только краткого пояснения, но хотя бы мимолетной материализации. Карточки второго рода — источники, из которых черпается содержание первых карточек, и служат они (как для штуттгартской системы 1785 г., так и для «Феноменологии духа», первого значительного произведения²⁵) не для сносок, но ради того, чтобы ободрить мысль, сориентировав ее в «море учености»²⁶. «В наши дни, — объясняет г-н К., — есть множество людей, которые хвастаются, что могут совершенно самостоятельно сочинять огромные тома; благо, теперь это не так уж трудно. Китайский философ Чжуан-Цзы написал за всю свою жизнь только одну книгу, в которой сто тысяч слов, но при этом девять десятых этой книги — цитаты. А мы можем написать столько книг, сколько душе угодно. (...) Ведь для этого нужно не так уж много: чернильница да пачка бумаги, которые всегда у этих бесчисленных писателей под рукой»²⁷. Медиум, который и сделал возможным такую комбинаторную переработку цитат, называется вовсе не пером и не пишущей машин-

²⁴ Luhmann (1995), S. 156.

²⁵ Ср. Kittler (1989), S. 15.

²⁶ Слова Гердера, см.: Wegmann und Bickenbach (1997), S. 404.

²⁷ Brecht (1930 / 1971), S. 19.

кой, но «бумагомашиной» в совершенно нетривиальном смысле. «Пока я работаю как компьютер, я в каком-то смысле могу быть назван креативной машиной, раз при комбинировании данных я произвожу новые задачи, которые очевидны не с первого взгляда»²⁸. Тем легче будет обратиться к автоматизированной обработке бумаг. Открытый в Билефельде в 1951 г. каталог означиваний стоит в непосредственной близости к другому опыту, длянущемуся с 1936 г. Это не отдельные карточки, но бесконечно разматываемый рулон мыслящей бумаги, подчиняющийся заранее определенному программному алгоритму²⁹ и снабженный пишущесчитывающей головкой (к) ой³⁰. Как раз эта бумажная машина³¹ и стала потом универсальной машиной; и с 1937 г. нужно отсчитывать историю совокупных процессов: обработки данных, делопроизводства и бумажной фиксации процессов. Те необычные возможности, которые были улучшены системой записи «Билефельд—1951», неизбежно уже были даны в победном шествии ставшей потом универсальной бумажной машины 1937 г., которая с частотой в квартал теперь порождает новые поколения компьютеров и новые уровни подсчетов. Электронный каталог делает доступ к информации еще быстрее, а вычленение каких угодно понятий еще более простым, равно как и комбинирование их с помощью логических узлов и ссылок в электронном виде (*im elektronischen Fundus* — в электронном фонде) — теперь уже ничего нельзя пропустить или позабыть. Гипертекст возродил идею Ванневары Буша о мыслящей машине («Мемекс», 1945 г.³²): достаточно было совместить муторную систему ссылок и указаний с оптимизированной до головокружения стратегией клика (одним нажатием), автоотбора и автомаркирования³³.

Сам способ работы Лумана — это следование ясному алгоритму; в известном смысле он функционирует как компьютер, который окончательно перестал загромождать место и превратился в компактный ноутбук. Когда, например, картотека Гегеля, составленная в удобном пользовательском формате, после семи переездов наконец добралась до Берлина³⁴, то выяснилось, что кубические метры деревянных каталожных ящиков, оказавшихся в нашем распоряжении, мешают современным тре-

²⁸ Luhmann (1987), S. 144.

²⁹ «Когда мне нечего больше делать, я пишу весь день: утром с 8.30 до полудня, затем я выгуливаю собаку, а потом я вновь работаю с 14.00 до 16.00, когда мне опять нужно выйти с собакой (...) Да, и как правило, я пишу потом до 23.00. В 23.00 я отправляюсь в кровать и лежа успеваю прочесть пару—тройку нужных мне работ». Luhmann (1987), S. 145. — *Курсив мой*.

³⁰ См. примечания выше; также: Hodges 1994, S. 115ff.

³¹ См.: Turing 1987, и детально о предыстории: Dotzler 1996, S. 7.

³² Ср.: Bush 1945.

³³ См. о самом проекте, Bielefeld 1951ff.; о расширении и об электронной форме см.: www.verzetteln.de/synapsen.

³⁴ «При всем прочем, инкунабулы удержали свое обличье до сего дня. Частично его можно найти в картах, частично на футлярах для дисков, а частично в рисунке некоторых этикеток». Rosenkranz (1844/1969), S. 12.

бованиям мобильности. Ведь их нельзя переместить куда угодно, а значит, и привлечь достаточное внимание читателей. Луман признается Хагену: «Хаген: Такая архитектура каталога, подразумевающая громоздкие каталожные шкафы, по-Вашему значима или нет? Луман: Да, конечно, их же с места не сдвинешь. Хаген: Да, несколько кубометров они занимают. Луман: Вижу, понимаю. Хаген: Но ведь это основа Вашей работы? Луман: Да. Хаген: Но ведь работать с таким форматом нелегко? Луман: Да, поначалу было очень нелегко»³⁵. Собеседник, руководствуясь собственной теорией продуктивности, уже вошедшей в легенду, упорно решил оставаться на месте, требуя, чтобы все вопросы поступали на деревянный ящик—ящик каталога. «Фред удивлялся этому теоретику систем из Билефельда (из Билефельда?—переспрашиваю я, высоко подняв брови)»³⁶.

С этой точки зрения, небольшой город в северо-восточной Вестфалии превращается вдруг в силиконовую долину, где *достигнута* произвольная комбинаторика базового кода теории систем. При этом такая комбинаторика вполне материальна, и направляется способом и приемами обращения с материальной машиной—важно, как работает механизм и как осуществляется в нем передача сил. Тогда каталожные ящики и их пользователи становятся основополагающей и поэтому привилегированной системой теории систем.

Договор о партнерстве

Любой ассистент подскажет нам, что образцом системы является «система психических отношений»³⁷. В институции под названием Университет *система в Билефельде* не вызывала никакого личного враждебного отношения («Стоимость: отсутствует»). Но теория систем сама по себе создается с помощью коммуникативного продуктивного сообщества равноправных партнеров—это «я и мои каталожные ящики»³⁸. Эстетика производства тогда превращается в предрасположенность друг к другу человека и машины, которую и не посмеешь назвать иначе, чем партнерство.

Но остается вопрос, почему уж так необходимо называть бумажную машину каталожных ящиков «партнером по общению»? Чего мы добиваемся, когда ставим две части системы в ситуацию диалога, и уравниваем обе столь несопоставимые стороны в наивно понятой коммуникативной компетенции? И вообще, кому может понадобиться очеловечивать деревянный ящик?³⁹

³⁵ Hagen (2004), S.107.

³⁶ Klassen (1994), S. 84.

³⁷ ср. Luhmann (1984 / 1994), S. 346.

³⁸ Luhmann (1993), S. 53.

³⁹ О непродуктивности слишком серьезного восприятия различия между человеком и машиной с точки зрения теории систем см.: Fuchs (1991), особенно. S. 8f.

Первый ответ, который приходит на ум, лежит в плоскости теории систем. Все дело в самой конструкции понятия коммуникации. Деревянные ящики опробованы как «система сообщений», и с их помощью достигается полноценная коммуникация в форме запросов и /или отклонений. В Билефельде с 1951 г. каталожные ящики выстроились в систему, и именно на них была основана системная теория⁴⁰. Более того, в Билефельде с того же времени действует и социальная система, выводимая из каталожных ящиков как функциональной системы сообщений и «я» как пище-читающей единицы. Эти два элемента и образуют достаточную конституцию социальной системы: «На вопрос о том, из чего состоит социальная система, мы даем двойной ответ: из коммуникативных актов (Kommunikationen) и из их учета в качестве поступков»⁴¹. Пятнадцатью годами позже возник вопрос, на чем же в конечном счете зиждется конституция социальной системы: на учете или на коммуникации? Ответить на этот вопрос позволил дизайн самой теории. Коммуникация есть «минимально возможное единство социальной системы, а именно та единица, на которую коммуникация может реагировать только через коммуникацию»⁴².

Теперь, когда прояснено базовое понятие коммуникации и выводимые из него имплицитные предпосылки теории, можно приняться и за рассмотрение самой системы⁴³. В таком взаимоотношении подчеркивается модульная (modulare) структура коммуникации, которая есть минимум, «кирпич» социальной системы, каковой и позволяет ей всякий раз снова смыкаться наличным образом, оставаясь тождественной самой себе. При установлении коммуникации сразу же задействуется диспозитив каталога как формальное основание системы, и в качестве реакции запрашивается каталожный ящик. После этого запроса происходит подтверждение или отклонение коммуникации, и каталог осуществляет свое коммуникативное действие (Kommunikationssakt). При этом предьявляется *либо* пустое место отмененной коммуникации, *либо* новые сведения в ответ на запрос, например, в виде эскипта («Когда я стремглав спотыкаюсь на тропе и несусь через голову, тогда и возникает форма»⁴⁴). Рубрика «Форма» позволяет продолжить поиски в каталожных ящиках, например, касательно структурного упорядочения информации *по форме*⁴⁵, и таким образом, она устанавливает

⁴⁰ См. весьма важные в онтологическом плане замечания в первой главе книги, явившейся основоположением всей теории Лумана: Luhmann (1984/1994), S. 30.

⁴¹ Luhmann (1984/1994), S. 240, оправдывает мое предположение, ссылаясь на машину Тьюринга.

⁴² Luhmann (1998), S. 82.

⁴³ См. целую главу об этом: Luhmann (1984/1994), S. 191. Вопрос об условиях общения с компьютером см. также: Fuchs (1991).

⁴⁴ Handke (1984), S. 5.

⁴⁵ Здесь можно сослаться на работу Флюссера: Flusser (1987/1992), S. 15, и на Эспозито: Esposito (1993), von dort... etc.

новую замкнутую сеть коммуникации, которая в свою очередь позволяет произвести еще очень много замкнутых контактов. Будучи выдвинут хотя бы раз, каталожный ящик производит новые связи и гиперссылки, которые представляют собой расширенный и вместе с тем уклончивый ответ на запрос. «Коммуникация тем не менее (...) автопоэтична, поскольку она может быть явлена только в рекурсивной взаимосвязи с другими коммуникациями, то есть только в рамках Сети, в которой цельная коммуникация только и может быть воспроизведена»⁴⁶.

Но каким образом аргументация в употребляемом обеими сторонами языке позволяет говорить о том, что внутри системы, существующей в Билефельде с 1951 г., происходит процесс коммуникации? Как только число каталожных ящиков превышает критическую массу обозримых записей и разумное число запросов, они становятся основой для особой формы коммуникации, а после и для особого поэтологического переживания производства знания, при котором пользователь приобретает неожиданный взгляд на вещи. Когда практические пользователи каталожных ящиков, такие как Луман, начинают смотреть на агрегат из дерева и бумаги как на равноправного партнера коммуникации, тогда их положение становится особенно констеллятивным. Тот же примерно опыт описал Генрих фон Клейст в своем неотразимом разборе «Повивального искусства мысли» (1805): «Когда ты хочешь что-то познать, но не можешь найти для этого никакого средства, тогда, я считаю, мой дорогой разумный друг, что ты должен начать общаться с ближайшим тебе известным, что открылось у тебя на глазах»⁴⁷. То положительное чувство, которое сопровождает такой разговор, как удовлетворение ожиданий собеседника, требует *обязательно* производить новые мысли. Идея включается в саму речь, и тогда мы видим, что собеседник predisposed продолжать с нами разговор; и речь, оживляясь вопросами и возражениями, принимает вполне определенное направление. «Это совершенно особый источник воодушевления для каждого говорящего, который мы находим в лице сидящего прямо перед нами собеседника — это его взгляд, который с таким одобрением встречается еще недосказанные нами мысли, так что оставшаяся часть высказывания уже принадлежит ему, еще не став нашим высказыванием»⁴⁸.

Мысль Клейста состоит в том, что партнер по коммуникации всегда стремится к ясности выражения, и немое одобрение катализирует познание ясной мысли. Но что делает собеседник, если его достоинство — это голая предрасположенность? Клейст находит в трудах Канта очень точное слово: он владеет «акушерским искусством мысли»⁴⁹.

⁴⁶ Luhmann (1998), S. 82f.

⁴⁷ Kleist (1805 / 2001), S. 319.

⁴⁸ Ebd., S. 320.

⁴⁹ Кант И. Основоположения метафизики нравов [Кант И. Metaphysik der Sitten. Zweiter Teil, II. Ethische Methodenlehre, I. Abschnitt, § 50]: «Он — повивальная бабка его

Если собеседник — не «банкрот духа», он всегда сочтется со своим партнером, вознаградив его усилия своим богатством. При этом вовсе речь не идет о запасах плодов чтения и об эксцерптах из сваленного грудой материала мысли; тут нет никакой аналогии с эмиссионными банками XVII в. Когда Клейст говорит о «лице собеседника» и о том, как тешит взор такая встреча, вдохновляя ум и сердце, он просто говорит о том, что взглядом можно подтвердить и саму высказанную мысль, и осуществившееся ее понимание. По его словам, при таком разговоре создается неизбежное впечатление, что оставшуюся часть мысли собеседник продумал раньше тебя. Но почему мы должны отрицать, что взгляд на выдвигаемые ящички не может дарить столь же важных моментов вдохновения? Нужно только заменить в приведенной цитате мыслителя «человеческое лицо» на «интерфейс», чтобы обеспечить постоянное общение человека с аппаратурой. Только слово «лицо» тогда не очень уместно, лучше заменить его более универсальным словом «тип».

Теперь уже можно сказать о перелистывании карточного ряда в ящике, которые и образуют интерфейс немого собеседника, который может даже большее, чем требовал Клейст: он может сам начать говорить. Каталог представляет собой интерфейс, который не просто бросает на тебя бодрый поощряющий взгляд, когда ты перебираешь карточки этого аппарата; сами рубрики каталога становятся протagonистами дальнейшего интеллектуального производства. Прежде молчаливый собеседник вдруг становится полноправным партнером дискуссии. Когда мы отбираем рубрики, которые нам в данный момент нужны, то мы только усиливаем прочную сеть узлов общения. И пока сеанс связи продолжается, мы фиксируем у себя прочную связь своего рода «двойного общения»⁵⁰. Такое двойное общение превосходит столь докучавшую нам самодостаточность, и, опережая ожидания Клейста, разрешается потоком мысли нашего нового премного разумного собеседника.

Одно из основоположений филологии гласит: «Текст знает больше, чем его автор». Можно без всяких трудностей перенести этот принцип на отношение каталога и пользователя. Извлекаемый аппаратно фрагмент текста потенциально, благодаря различным подключениям и переключениям, содержит больше моментов замыкания, чем простой вопрошающий за тот же самый момент времени. Интерфейс вбирает в себя огромный комплекс возможных связей и тем самым раскрывает активный потенциал любого нового аргумента. Каталогные ящички знают больше, чем автор, которому ни к чему претендовать на особую ученость: лучше ему вступить в контакт с каталожным интерфейсом, дабы пробудить таящиеся в самом

мыслей» (так описывается отношение учителя и ученика).

⁵⁰ Luhmann (1993), S. 57.

себе мысли. И тогда, продолжая словами Клейста, «уже не мы знаем, а за нас знает состояние ученого собеседования»⁵¹. Достичь такого желанного состояния позволила только надежная аппаратура. Она смогла, благодаря внутренней коммутации, создать из данных по условиям задачи элементов конфигурацию «состояния знания». Эта конфигурация потенциальна, но пользователь в каждое конкретное время реализует ее с помощью определенной комбинации, можно сказать, вызывает ее на свет.

Диалогическому моменту поэтики теории систем, а конкретнее, деревянному партнеру внутри производящего сообщества, предстоит приобрести тот высокий статус, который невозможно переоценить. Именно на нем и будет теперь основана эстетика производства, которая слишком долгое время была ослеплена понятием гения.

Я всегда был склонен рассматривать живущий во мне поэтический талант просто как природу. (...) Тренировка поэтической способности, конечно, может пробудить и усилить этот дар, но все же все самое радостное и щедрое происходит непроизвольно, даже не задумываясь о решениях воли.

По лесу я блуждаю,
И песню напеваю,
Я каждый Божий день.

Но и когда я не сплю ночью, случается порой то же самое, и часто во мне возникает непреодолимое желание, как и у одного из моих предшественников, заказать себе камзол из кожи и поселиться в темном поземельи, только чтобы закрепить в себе чувство, которое меня в этот момент охватило. Я так привык напевать себе под нос песню, что я забываю, где я сейчас нахожусь, и даже несколько раз наталкивался на свою конторку, и вдруг неспособный вспомнить о времени, я бросал взгляд на лист бумаги, и записывал спешно все стихотворение, от начала и до конца, даже не пошевелившись при этом. Именно поэтому я с гораздо большим удовольствием пользуюсь карандашом, который легко и без отрыва бежит по бумаге; но несколько раз со мной случалось, что скрип и брызги пера пробуждали меня от моего блуждающего в ночи сочинительства, оно отвлекало меня, не давая разродиться даже самым малым продуктом творчества. К такой поэзии я относился с особенным трепетом и готов был постоять за нее, как наседка за своих птенцов, которая бережет их с того момента, как услышала их писк⁵².

Прочитав такое прозрачное самоописание собственной творческой способности, мы понимаем, что определенная *неясность* возникла не в Билефельде в 1951 г., но восходит в своей материальности к Вейма-

⁵¹ Kleist (1805 / 2001), S. 323.

⁵² Goethe (1960), S. 80f.

ру «около 1800 г.» — там она уже была вполне. Но нас продолжает удивлять предусмотрительный отказ от объяснений в самом тексте, которые позволили бы отнестись к мифу о гении с известной долей скепсиса — так произошло бы, если бы сам «гений» сделал прозрачным для нас способ возникновения его произведений. Но мутным остается этот способ и в Тюрингии, а точнее сказать, в Йене 1806 г., куда молодой профессор философии и гражданин переправил начатую в Штуттгарте в 1785 г. рукопись «Феноменологии духа». Он вычитывал рукопись, когда в городе мародерствовали французские войска, и с последним курьером, который и не собирался возвращаться обратно в город, отправил ее издателю в Бамберг. Что, возможно, у него не осталось времени сделать сноски? Или напротив, он сознательно уничтожил те немногие ссылки, которые еще висели в его тексте? «Чтобы сделать все прочие философские учебники излишними, а этот новый учебник — неотменимым, достаточно было убрать ссылки. Отсутствие сносок позволило ученикам и последователям Гегеля читать его в другом режиме, не размышляя об источниках, а обрабатывая данные. Так в человечестве возникла новая форма представления данных»⁵³.

Тайна системы

Рутинная стабильность отметила новое партнерство, когда на место взаимных ссылок от руки и порядка философского обихода пришло производящее сообщество, работающее в Билефельде с 1951 г. Простота каталога пробудила новые мотивации, наполнила жизнь смыслом и заставила поднять новые вопросы, переиграв человеческую пытливость и любознательность. Эффект был ошеломляющим, доказательная структура изложения прониклась новыми взаимосвязями и произвела на свет особо напряженный порядок чтения: неожиданность, столкновение давно ожидаемого со случайным, с тем, что встречается в данном смысле *только здесь, и нигде больше*. Такая цепь выпавших нам случайностей поставила перед нами важнейшую проблему, к решению которой мы только приступаем: как надлежит теперь упорядочивать таким образом полученное содержание? Как быть, если наш прежде безмолвный собеседник может нас в любой момент ошеломить?

Руководствуясь рубриками и шифрами, мы можем теперь напрямую перейти из любой точки большого каталога в самую неожиданную другую точку. В отличие от книги, аккуратно сверстанной и переплетенной, становится каталог разомкнутых и потенциально расширяемых единиц информации. Это элементарные данные, которые можно легко расположить в ряд, проставив перекрестные ссылки. Каждая карточка имеет свою привязку — либо благодаря своему положению в руб-

⁵³ Kittler (1989), S.16. См. также уточнения по происхождению компьютерной техники: Kittler (1997), S.195–197.

рикаторе, либо благодаря шифру, по которому мы можем переходить с одной карточки на другую. «Всякая запись (Notiz) — это просто элемент, действительный смысл которого извлекается из сети ссылок и взаимных отсылок в системе»⁵⁴. Такой интертекст позволяет пользователю, следя за аргументативной структурой изложения, устанавливать новые взаимозависимости, а значит, следовать другому способу чтения, чем тот, который подразумевался в тексте. «Каталожные карточки позволяют создать из наличных данных такие комбинации, которые не планировались, не задумывались заранее, и конечно же, еще не разу не были концептуализированы»⁵⁵. Эффект неожиданности возникает благодаря тому, что ссылка неожиданно ведет к тому пониманию, которое мы никак до этого не выводили из текста.

Но каким образом все-таки удастся сделать каталог источником неожиданной информации, если информационное наполнение его заранее известно? Ответ один: требуется время на то, чтобы вывести из текста комплексные структуры, которые уже не потребуют себе дополнительной помощи. Нельзя не видеть того, что размещение конкретной информации в форме текстовых минимальных элементов, фактов, фрагментов размышлений, более пространных выписок подпитывает весьма развернутую аргументацию, не привязывая ее к заранее данной структуре доказательств. То, что сочетание карточек в каталоге может создать впечатление неожиданности, заставляет нас иначе относиться к самому чтению. Если мы можем вспомнить с помощью текста, о чем мы писали в связи с нашими размышлениями, и посмотрим на запись как на фиксацию хода нашей мысли, включая доказательства (и обязательства), а не просто список того содержания, которое было нами получено, — то мы читаем уже не воспоминания о давно прошедшем, а видим перед собой тот горизонт понимания, который мы некогда достигли. Нас при этом удивит не только различие нашего тогдашнего и нынешнего понимания одних и тех же вопросов. Не меньше удивит нас способ получения доказательств, путь которого будет отрешен от момента возникновения этих мыслей и начнет ветвиться в момент нашего нового понимания. Ведь теперь система заметок расширена в сравнении с ее тогдашним состоянием. Каталожные карточки теперь — это не просто подспорье в написании текста; это своего рода праформа для получения текста. Перекрестные ссылки и придают каталогу аргументативную ценность, потому что любящие ассоциации читателя могут принять форму сопряжения каталожных единиц.

Вносить мысли в каталог — это значит выписывать их, иначе говоря, создавать эксерпты. Хотя такой эксерпт представляет отрывок в строку или несколько строк, он указывает на свой контекст, кото-

⁵⁴ Luhmann (1993), S. 58.

⁵⁵ Ibid., S. 59f.

рый даже если не воспринимается, но по крайней мере принимается в качестве «адреса». Иначе говоря, эскерпт представляет собой стрелку (pointer): он всегда указывает на что-то другое. Даже одиночный эскерпт, помимо того, что выполняет привычную функцию представления текста, из которого он взят, создает мини-собрание, которое вполне обладает своей специфической продуктивной способностью. Единственное, что может обеспечить добросовестная выписка — продуктивную связь с другими сообщениями. Поэтому, когда у нас нет еще заранее сформированной сети гиперссылок, выписки порой приходится делать объемом в несколько страниц. Тогда картотека из простого складирования информации превращается в необходимого помощника пользователя, без которого он уже не может обойтись. То есть каталог становится полноправным партнером коммуникации и остается таким до окончания работы над текстом. И так, аппаратура не просто *выдает* то, что пользователь *вложил* в нее своим пером, ожидая подходящего времени, чтобы вновь обрести свой капитал. Напротив, эскерпты — это особый фонд, который не должен истощиться до тех пор, пока он отсылает к близким текстам. Каталог маркирует темы и книги, и его карточки, превращаясь в гиперссылки, внутри исчерпывающего и творчески созданного тематического реестра, позволяют установить многочисленные связи. Каталог можно тогда сколько угодно расширять, просто-напросто вводя с его помощью те способы аргументации, которые были забыты или просто не задействовались. Незаметные, но регулярно поставленные гиперлинки производят обильные решения, а комбинаторная логика превращает эскерпты в систему зависящих друг от друга доводов.

* * *

«Время надо ценить и беречь»⁵⁶, — заявляет реклама фирмы, производящей офисное оборудование, которая случайно решила предложить в журнале «Система» интегрированную систему упорядочения делопроизводства в виде письменного стола с ящиками, штемпельной доской, лотками для документов и только в последнюю очередь «удобной картотекой». В отличие от такой теоретической недооценки важности карточек, организация работы (и экономии времени) в Билефельде с 1951 г. следует в полной мере дискурсу рационализации веймарской эпохи. «Единственное, что меня действительно сердит, — это нехватка времени»⁵⁷. Тейлористская организация менеджмента потребовала иначе устроить рабочее место, освободив сотрудника от большей части ежедневной писанины на карточ-

⁵⁶ Werbeanzeige der Firma Hinz // Das System. Zeitschrift für Organisation. 1928. Januar. Heft 1.

⁵⁷ Luhmann (1987), S. 139.

ках, и употребив полученное время для более важных задач. «Заполнение каталожных карточек требует большего времени, чем даже просто письмо»⁵⁸. Если учитывать то обстоятельство, что из картотеки можно извлечь больше информации, чем туда было вложено, что придает картотеке дополнительную ценность, то не следует удивляться, что именно это рабочее приспособление легло в основу системы, появившейся в Билефельде в 1951 г. Ее усовершенствованием стало появление пишущо-считывающей головки, благодаря чему ввод и считывание информации облегчились, и возникла настоящая *система заметок* (System der Notizen), которая наделила чтение небывалой прежде эффективностью. «Хаген: Что происходит, когда Вы читаете книгу по второму или по третьему разу? Вы берете свой старый набор карточек и расширяете его? Луман: В некоторых случаях я создаю и совершенно новую систему карточек, но это происходит довольно редко. Я хочу сказать, что и перечитываю я книги очень редко. Хаген: Неужели? Луман: Да, я перечитываю большие канонические работы, например, „Кризис европейских наук“ Гуссерля. (...) Луман: Я вас понимаю (...) я не читаю еще раз, я бы мог бы это делать, но приходится поступать иначе, если у меня ни на что нет времени. Я читаю в основном книги, ориентирующие меня в проблемах. (...) Хаген: Но это означает, что однажды внесенное на эти каталожные карточки как прочитанное и понятное, остается там навсегда, даже если тогдашнее понимание было совершенно ошибочным? Луман: Да. Хаген: Но не получится ли так, что кто-то посмотрит на тебя и скажет: „Мой друг, здесь этого нет. Это ты просто так прочел“. Луман: Да, и такое может быть. Я тогда это отмечу на карточке»⁵⁹.

Итак, в отличие от машинописи и набора книг, карточки в Билефельде с 1951 г. пишутся все время, пишутся от руки, что приводит к одной необоримой эксцентрике. Графологическая компетенция неавторизованного читателя не учитывает, что почерк может стать для него первым барьером. А тогда и с психической точки зрения вся созданная система и те сообщения, которые в нее вошли, начинают казаться в высшей степени идиосинкразией — до нечитаемости, до непонятности другими. Партнер тогда разговаривает не с каждым, точнее говоря, разговаривает только с одним. Третий не имеет уже понимающего взгляда, и ему не дают продвинуться дальше в овладении лежащей перед ним информацией. Тогда уже система напоминая вещь большой ценности, которую при этом ничем не измеришь извне. Но в этой системе заметки становятся недоступными и для своих. Информация, в силу герметичности текущих поступлений оказывается также замкнута и похоронена за деревянными стенками каталожных ящиков. В свою очередь, комплексностью изложения прихо-

⁵⁸ Luhmann (1987), S.143.

⁵⁹ Hagen (2004), S.106 f. См. в литературном плане о Жан-Поле: Stanitzek (1992).

дится жертвовать ради полноты материала, который теперь можно извлечь только с помощью каталога. Если раньше человек подключал к своему пониманию те эпизоды прочитанного, которые имели отношения к делу, то теперь ему приходится следовать по пути каталожных указаний и зарываться в эти листочки, оказываясь всякий раз перед новой перспективой исходных вопросов. «Соккрытие данных приобретает теперь новую интенсивность, сопоставимую с интенсивностью открытия данных. Возникает тенденциозное укрывательство и маскировка, агрессивная оборона от третьего того, что и было объявлено тайной. В этом смысле тайна — это достигаемое негативными или позитивными средствами соккрытие действительности, и поэтому ее следует назвать одним из величайших завоеваний человечества. (...) Благодаря тайне достигается небывалое расширение границ жизни, потому что по большей части содержание жизни не имеет никакого отношения к публичным действиям. Тайна делает возможным иной мир, кроме мира, открытого нам всем, и эта возможность сильнее всего начинает действовать в нас»⁶⁰.

Открытая тайна системы в теории систем заключается в комплексности самого замысла. Достаточно было тридцати лет, и по простым, последовательно исполняемым правилам программируемая система записи стала генерировать, аккумулировать и просто-напросто создавать на пустом месте⁶¹ сложный комплекс, который уже благодаря ансамблю несхожих вопросов редуцируется к форме статей и книг. Скрытое позволяет увидеть вожаемое за грубыми выдвигаемыми ящичками, в которых карточки перелистывают в надежде на истину: и образ открытого ящика неслучайно стал образом страстного поиска. Но еще немного, и вот нас уже гложет сомнение, потерпит ли дерево новое касание, и так ли уж потребно ему наше участие. «Но все равно рука тянется к каталожным ящичкам, нужно отметить два разряда, посмотреть шифры, где А 9 (36,16 mal 52,56) и А 8 (74,33 mal 52,56). Конечно, это можно обозвать педантизмом, но на самом деле это просто вопрос опыта. Главное, иметь темперамент, который выдержит буйство тематического указателя, параграфами которого человек посмел пометить информацию, доведя ее до двух маленьких карточек, заполненных едва читаемым шрифтом, с шифром будто бы зазубринами почерка. Но всякая карточка — это четвертушка от книжной страницы»⁶² — в такие слова облек свою страсть Арно Шмидт.

Красота и элегантность всего содержания системы «Билефельд — 1951», простая внутренняя организация, и *безусловное материальное* кодирование в форме дощечек, чернил и прямоугольников бумаги, позволяет нам сформулировать выводы этой работы как задел для дальней-

⁶⁰ Simmel (1908 / 1995), S. 405f.

⁶¹ Всякая ссылка — это место разрыва.

⁶² Schmidt (1995), S. 32.

ших интересных исследований. «В известном смысле каталожный ящик представляет собой таким образом редукцию сложности к конструкции»⁶³. Значит, нас не должно удивлять, что тот же самый образ может быть рассмотрен и с других сторон. «И всякий вечер, когда Фред поднимается из-за письменного стола, проделав сложнейшую работу, он идет, покачиваясь, едва ли не спотыкаясь от усталости, к своему авто и едет через весь город, чтобы свести потом всю сложность мира к виду привлекательной женской груди»⁶⁴.

Перевод с немецкого Алексея Григорьева

⁶³ Luhmann (1987), S. 149.

⁶⁴ Klassen (1994), S. 84.